

Сёстры и братья! На следующей понедельник (8.31) запланирован выход моей книги в VIP-статусе. Серо-пепельный маленький дикий фазан Цзи Чаоань не имел великих устремлений — он лишь хотел возродить оставшуюся от родителей книжную лавку и прожить жизнь в мире и покое. Однако, стоило ему спасти маленького серого кролика, как он увяз в наследственной распре сыновей господина Чиго. Маленький кролик не погиб от рук братьев, а вернул себе истинный облик древнего свирепого зверя и стал тираном, покорившим четыре государства ценой крови и меча. Желая отблагодарить за спасение, объединивший четыре страны тиран возвысил Цзи Чаоань до звания императорской супруги, стоящего выше всех подданных и уступающего лишь самому императору. Не считаясь с расходами и тяжестью народного труда, он возвёл тысячу золотых дворцов для диких фазанов, породив красивую легенду, которой завидовал весь свет. Заточённый в золотой клетке Цзи Чаоань: ...Нельзя ли попросить Ваше Величество отблагодарить меня как-нибудь иначе? Тиран: Нельзя. Получив шанс переродиться через нирвану Феникса, Цзи Чаоань прожил жизнь заново и твёрдо решил держаться подальше от междоусобных войн. Кто же знал, что, открыв глаза, он снова встретится взглядом с тем самым серым кроликом. Тиран умел не только отблагодарить за добро, но и затаить злобу — из тех, кто возвращает добро десятикратно, а месть — стократно. Чтобы благодарность тирана не превратилась в его месть, Цзи Чаоань не смел выбросить кролика. А чтобы тиран не повторил своё фанатичное безумие в духе благодарности — это заточить его навечно, Цзи Чаоань решил на этот раз вырастить хорошего кролика: идейного, нравственного, честного и доброго. И начал с вегетарианства. Скованный печатью младший дракон — заклятый враг рода драконов, древний свирепый зверь, император-основатель, кровожадный тиран, чудовище хоу и по совместительству серый кролик — под гнетом своего хозяина со скорбным видом принялся грызть редиску с капустой. Цзи Чаоань успокоился: Ну что же, давай обсудим вопрос с благодарностью, я предложу тебе несколько вариантов... Претерпевающий унижения и жующий зелень хоу: Не хочу, не хочу, не хочу! Мне не нужны варианты, мне нужен только ты! Проживающий новую жизнь нетерпеливый утончённый thṭ (пассивный партнёр) х склонный к подкаблучничеству младший по возрасту злобный пёс gōng (активный партнёр). Основная мысль: упорство в преодолении невзгод, свет непременно рассеет тьму.

Ма Лаоэр в драке из-за кролика

Пятое число двенадцатой луны шестнадцатого года правления Жунву, Луоцзин — столица Государства Юй. Непрекращающийся несколько дней снегопад наконец-то прекратился.

Будь то резные балки, расписные карнизы и просторные терема с алыми колоннами в Семидесяти двух восточных переулках или же низкие глинобитные лачуги из обломанных кирпичей в Восемьдесят первом западном переулке — вне зависимости от ветхости, высоты и благосостояния, всё вокруг укуталось в серебряный наряд, словно небесные чертоги опустились на землю.

Когда тучи рассеялись и снег улёгся, лазоревый небосвод стал удивительно чистым и бескрайним, а солнце засияло так ярко, что всё вокруг мгновенно согрелось.

Жители Луоцзин уже давно ждали ясной погоды, и теперь, увидев залитые светом улицы, повалили на улицу любоваться снегом.

Те из горожан, кто был попроще, без всякого смущения являли свой птичий облик и лениво распускали перья на просушку прямо во дворах или на крышах собственных домов.

К западу от Луоцзин, в трущобах, где теснились бедняки, группа оборванных детей, похожих на нищих, носилась с криками и толкотней. Пронзительные, дикие вопли то стихали, то

вспыхивали вновь: одни горланили: «Бей его!», «Отдай мне!», другие оглашали округу звериным ревом, не ведая страха и закона, отчего у прохожих стыла кровь в жилах.

Однако жившие в переулке простолюдине давно привыкли к этому и не обращали ни малейшего внимания.

Среди тех детей старшим едва исполнилось одиннадцать-двенадцать лет, а младшим было всего четыре-пять. Внезапно вся ватага с гиком набросилась на упавшего малыша и окружила его со всех сторон.

Каждый злобно скалил зубы, словно столкнулся с кровным врагом, и безжалостно принялся избивать руками и ногами хрупкое тело ребёнка.

А заводила всей шайки, черномазый паренёк с перекошенным от злости лицом, отвесил мальчишке пару тяжелых пинков и завопил:

— Решил со мной добром делиться? Паршивая серая пташка, ничтожное семя! Сегодня я зашибу тебя до смерти и отдам матушке в котелок на похлёбку...

Он еще продолжал сквернословить, как вдруг в глазах у него потемнело, макушку пронзил жестокий удар, брань оборвалась на полуслове, глаза закатились, и он ру навзничь, замертво потеряв сознание.

Остальные детишки еще не успели опомниться, как каждого постигла та же участь.

Одни были оглушены и бесшумно падали на землю, другие же с диким воплем хватали себя за руки, ноги или лица, будто пораженные молнией, и орали так истошно, словно резали свиней.

Один за другим раздавались звонкие, сухие шлепки, и не прошло и нескольких мгновений, как с десяток ребятишек пластом распластались по земле.

Лишь в самом центре бывшего кольца окружения стоял маленький мальчик лет семи-восьми. Он тяжело дышал, его пучок волос растрепался, тёмно-синий ватник на подкладке превратился в лохмотья, а всё тело было измазано грязью и снегом.

Левой рукой он прижимал к груди что-то объемистое, спрятанное за пазухой, а в правой, словно меч, сжимал тонкую, толщиной с палец и длиной около фута ветку зимней сливы.

Пара-тройка уцелевших сорванцов, стоявших на самом краю, испуганно переводила полные ужаса взгляды на ветку в руке у малыша.

Они привыкли третировать маленькую паршивую пташку и знали, что характер у этого паренька хоть и бунтарский, но сам он мал родом и слаб силенками, а потому от его сопротивления никакого толку. С чего вдруг сегодня он словно заново родился и продемонстрировал такую чудовищную мощь? Обыкновенной веткой в мгновение ока вырубил трёх главных забияк переулка Чжумене... Неужели, неужели эта неказистая ветка — какое-то волшебное сокровище?

Щёки ребёнка покрывали грязь и синяки, но сквозь них всё равно угадывалась безупречная, подобная нефриту кожа и удивительно красивые черты лица. Его яркая, ослепительная красота словно несла в себе дыхание весны, однако в глазах сейчас таилось холодное, внушающее трепет величие существа, привыкшего стоять на самом верху и досыта навидевшегося крови. Он бросил негромко:

— Проваливайте!

Хотя это был чистый, слабый детский голос, он напугал ребятишек так сильно, что они на четвереньках бросились наутёк, в панике выкрикивая:

— Убивают! Убивают! — и вмиг скрылись из виду.

Дыхание мальчика постепенно выровнялось. Стоя посреди грязи, он смотрел перед собой пустым, расфокусированным взглядом, словно не зная ни какой нынче день, ни в каком теле пребывает.

То, что пряталось у него на груди, шевельнулось, и из-за пазухи показалась половина серой пушистой головы. Взгляд ребёнка опустился следом, и он увидел крошечную серую кроличью макушку.

Маленький серый кролик размером с ладонь тихонько сидел за пазухой, слегка приподняв голову, а его длинные уши свисали по бокам мордочки. Какое-то мгновение они смотрели друг на друга: круглые, блестящие чёрные глаза кролика излучали непостижимую, глубокую мудрость.

Только его трёхчленная губа подрагивала в точности как у обычного кролика, придавая зверьку весьма милый и послушный вид.

Однако лицо мальчика по какой-то причине слегка окаменело, а в выражении проступила тень осторожности.

Он пошевелил пальцами и наконец вытащил кролика из-за пазухи, подняв за длинные уши, и снова заглянул ему в глаза.

Только взгляд его был мрачным и сосредоточенным — он разглядывал зверька не как лакомое кроличье блюдо, а так, будто перед ним находился опаснейший хищник.

Шерстка серого кролика промокла насквозь, в глазах мелькнула едва заметная ледяная жестокость. Зверёк бессильно забился в его руках: его левая задняя лапка была разодрана до мяса каким-то зверем, зияла кровавая рана, и при каждом движении кролика судорожно трясло всего.

Мальчик на мгновение замер в мучительных колебаниях, но в конце концов беззвучно вздохнул, бережно засунул серого кролика обратно за пазуху, утешающе погладил по макушке и тихо произвел:

— Не бойся, я не стану тебя есть, сейчас я отнесу тебя домой и залечу раны.

Приняв решение, он больше не сомневался, бросил ветку на землю, перешагнул через валявшиеся повсюду тела незадачливых забияк и с серым кроликом на руках покинул переулок Чжумене.

Глядя на знакомые виды старых улиц, Цзи Чаоань почувствовал, как сердце забилось чаще, и, доверяясь памяти, во весь опор припустил к собственному старому дому в переулке Хуайшу на юге города.

На юге располагалось множество лавок и торговых рядов, а по соседству жили в основном ремесленники да торговцы — люди порядочные и честные. И хотя после несчастья, постигшего

его семью, соседи старались держаться на расстоянии, по крайней мере, они не чинили ему излишних препятствий.

Благодаря этому Цзи Чаоаню, десятилетнему ребёнку, удалось остаться в отцовском доме и не остаться на улице без крыши над головой.

Цзи Чаоань уже много лет не был в родном доме и теперь лишь сокрушался, что его нынешняя культивация столь мала, а ноги коротки, из-за чего он не мог в один миг перешагнуть порог родного дома, отчего шагал всё быстрее.

В прошлой жизни он вершил великие дела, но в конце концов был обманут небесами — такова воля судьбы, против которой не попрёшь. И всё же, пойдя ва-банк, он попытался утащить за собой Гао Яо.

Кто бы мог подумать, что после использования запретного заклинания он не увидел ни перерождения Феникса, ни того, какая участь постигла Гао Яо. Едва открыв глаза среди пламени и густого дыма, Цзи Чаоань не обнаружил охваченной жаждой убийства многотысячной армии мятежников у Террасы Цзючжан, а вместо этого перенёсся на добрую сотню лет назад, в старую столицу Луоцзин шестнадцатого года Жунву.

Тогда его родители только скончались, самому ему было всего десять лет, и он с трудом перебивался благодаря редким и скудным подачкам от дальних родственников — обитателей Резиденции графа Чэнъи.

В то время Гао Яо был всего лишь болезненным двенадцатилетним юным господином.

В то время... свирепый тиран Гао Хуай, подавивший Государства Юй, Царство Чешуйчатых, Государство Цзяо и Государство Ши кровью и жестокой резней, сейчас сжался в комочек у него на груди, изображая крошечного, слабого и послушного серого кролика.

Погода стояла ясная, на улицах переулка Хуайшу постепенно прибавлялось прохожих, лавки у дороги воспользовались случаем и распахнули двери для гостей: одни торговали орехами и пряностями, другие — румянами и пудрой, третьи — готовой одеждой и украшениями, четвёртые — кистями, тушью, бумагой и чернильницами. Кругом царил атмосфера процветания великой эпохи.

И лишь одна маленькая лавочка в типом углу стояла наглухо закрытой. Вывеска над её притолокой растрескалась, краска облупилась, но сквозь облупившийся слой всё ещё угадывались четыре иероглифа: Книжная лавка Юнчэн.

Цзи Чаоань посмотрел на обветшалый фасад, его глаза ярко блеснули, и он решительно направился к лавке.

Однако на полпути ему преградил дорогу плотный мужчина в хлопковой одежде цвета сырой глины. Широко раскрывши рот, он расхохотался:

— Эй, паренёк из семьи Цзи, с кем это ты снова шляется? Тц-тц, такой маленький, а уже ничему хорошему не учится, глянь-ка на этот твой растрёпанный вид...

Мужчина был грубого телосложения, волосы стянуты серо-бурой грубой повязкой, густая борода торчала во все стороны, кожа чернела от загара, а круглое лицо казалось необъятным, но черты сбились в кучу, из-за чего он выглядел невероятно безобразно.

Хотя полдень ещё не наступил, мужчина уже успел захмелеть, от него разило вином, а язык заплетался. Он протянул руку, пытаясь схватить Цзи Чаоаня за пучок волос на макушке.

Цзи Чаоань не желал тратить на него время. Слегка скользнув стопой, он увернулся от лапищи мужчины и снова припустил к собственным воротам.

Не поймав мальчишку, мужчина решил, что промахнулся из-за опьянения. Сделав пару широких шагов, он вновь перерезал дорогу Цзи Чаоаню, попытался ухватить ребёнка за воротник на груди и выругался:

— Дядя Ма из добрых побуждений хотел спросить, а ты выказал неблагодарность и неуважение к старшим! Ишь, безродная паршивая птичка без отца и матери, дядя сегодня вместо твоего покойного батюшки...

Он не успел договорить, как с диким криком отдернул руку. Зажав пальцы в кулак и уставившись на воротник Цзи Чаоаня, мужчина испуганно и гневно завопил:

— Мелкий ублюдок! Смеешь строить козни против дедушки! Что ты там такое прячешь?

Цзи Чаоань промолчал — в самом деле не признаваться же ему, что это укусил кролик.

Не желая ввязываться в драку с пьянчужгой, он парой обманных движений обошёл его, добежал до дверей книжной лавки, достал висевший на шее на шёлковом шнурке ключ, открыл замок, проскользнул внутрь и ловко задвинул засов.

Тотчас же снаружи раздались яростные удары в дверь и пьяная ругань, но, к счастью, уже через мгновение проходивший мимо патрульный стражник прогнал буяна.

Полки для книг стояли совершенно пустыми — на них не осталось ни клочка бумаги.

Лавка выходила фасадом на улицу: впереди велась торговля, позади располагались жилые комнаты, что было чрезвычайно удобно.

Цзи Чаоань направился вглубь внутреннего двора. Двор давно не убрали: он зарос сорняками, а по обочинам дорожек толстым слоем лежали буро-жёлтые листья, создавая удручающее зрелище запустения.

В комнатах не было ни души, стояла зловещая, мрачная тишина, а повсюду витал затхлый запах сырости и плесени.

Поскольку чиновники уже провели здесь обыск, в комнатах не осталось ни единой ценной вещи — лишь поломанные стулья да пустые шкафы с едва державшимися на петлях дверцами.

Цзи Чаоань зашёл в восточную флигель-комнату, нашёл там бамбуковый лукошко, выстелил его несколькими слоями старой одежды и аккуратно уложил туда серого кролика.

После этого он вскипятил горячей воды, промыл кролику рану, нарезал полосками детскую одежку из старых запасов, примотал их к паре сухих веточек и тщательно перевязал сломанную лапку.

На кухне нашлось всего два батата. Цзи Чаоань взял один, вымыл, нарезал дольками и положил рядом с кроличьей мордочкой.

В комнате было холодно как в ледяном погребе, поэтому он отыскал старую одежду своего

отца, бережно накрыл ею кролика, потрогал его мягкие холодные длинные уши и мысленно помолился:

— Считай, я поступил с тобой по совести. Если ты возвысишься в будущем, умоляю, не приходи сводить со мной счёты.

После этого он поморщился, умыл лицо и руки, заодно проверив собственные повреждения.

На щеках, локтях и коленках имелись ссадины, на рёбрах и руках — синяки, но всё это были лишь поверхностные раны, которые пройдут через пару дней.

Цзи Чаоань заново причесался, переоделся в чистое старое платье, а затем уселся в восточной флигели, попивая горячую воду, грызя половинку сырого батата и ласково угощая серого кролика лакомством:

— Дом у меня бедный, на лекарства денег нет, так что потерпи немного. Этот батат — вещь хорошая, сладкий и хрустящий, ешь побольше, раны быстрее заживут.

Серый кролик безмолвно лежал в старой одежде, даже не приподнимая век, и оставался совершенно равнодушен к лежащему у самого носа ломтику батата.

Цзи Чаоань не стал настаивать: лишь протянул палец, легонько ткнул кролика в длинное ухо и невольно тихо улыбнулся.

Когда он подобрал серого кролика в прошлый раз, у него не было нынешних навыков, и та ватага хулиганов жестоко избила его, чуть не переломав ноги.

Тогда он вернулся домой избитым и несчастным, но зато разминулся по времени с тем пьяницей и не встретил его.

Теперь же, прожив жизнь заново, хотя его рост и уменьшился до размеров ребёнка, весь опыт и понимание боевых искусств, отточенные годами тренировок, никуда не делись. И не прояви он тогда сдержанности, перебить с десятка мальчишек для него не составило бы никакого труда.

То, что Цзи Чаоань вернулся домой раньше и столкнулся с пьянчужой, послужило неплохим напоминанием, заставив вспомнить события столетней давности.

Пьянчугу звали Ма, его звали Ма Лаоэр. Он жил по соседству с книжной лавкой семьи Цзи и держал мануфактурную лавку, где заодно занимался починкой одежды и шитьем на заказ.

Вся торговля держалась на его жене и дочери, сам же Ма Лаоэр палец о палец не ударял, целыми днями бездельничал, пьянствовал, то и дело ввязывался в неприятности, а с родителями всегда держался холодно.

Цзи Чаоань простил ему дерзкие речи лишь потому, что не хотел марать руки о мертвеца. Спустя несколько месяцев... Ма Лаоэр бесславно погибнет.

Шаг за шагом упорядочивая детские воспоминания, Цзи Чаоань вдруг вспомнил о чём-то крайне важном. Лицо его переменилось, он резко вскочил и выбежал из восточной флигели.

Серый кролик, услышав шум, тоже мгновенно открыл глаза, и взгляд его по-прежнему оставался острым.

Заметив, что мальчишка покинул флигель, маленький кролик изо всех сил попытался выбраться из лукошка. Однако долгий побег отнял у него все силы, а теперь еще и рана давала о себе знать — это был предел его возможностей, и он бессильно рухнул обратно в старые хлопчатобумажные тряпки.

Его взгляд скользнул по ломтикам батата, отражая крайнее отвращение и презрение.

Впрочем, то ли оттого, что от этого странного мальчишки не исходило злой воли, то ли потому, что наброшенная на него одежда оказалась на редкость теплой, серый кролик снова тяжело смежил веки и на этот раз действительно заснул.

Краткие итоги главы от Цзи Чаоаня: Больше ста лет упорного труда — и снова у разбитого корыта.

Краткие итоги главы от Гао Хуая: Я здесь боевая единица... стоп, я просто инструмент-кролик.

Цинъюаньская мазь из лотоса

Цзи Чаоань ворвался в главную комнату, и две чёрные лакированные таблички с золотыми иероглифами прямо бросились ему в глаза.

В горле застрял ком. Постояв в оцепенении несколько мгновений, он обессиленно опустился на колени перед холодными каменными плитами, и последняя искра надежды в его сердце окончательно погасла.

И впрямь, всё это не было утомительным кошмаром, приснившимся десятилетнему ребёнку; не существовало никакой мирной картины из разряда «проснувшись, он увидит отца, присматривающего за лавкой у парадного входа, мать, хлопчущую по хозяйству на заднем дворе, и ещё не упревший котелок с жёлтым просо».

Погоревав лишь мгновение, он изо всех сил хлопнул себя по щекам, заставил себя взбодриться, принялся шарить по углам и в самом дальнем углу потрепанного шкафа у стены отыскал плоский деревянный ларец.

Внутри лежала пожелтевшая козья кожа с обтрепавшимися краями, скрепленная красной чиновничьей печатью — это была купчая на книжную лавку Юнчэн.

Помимо купчей, в ларце обнаружился ещё и синевато-зелёный осколок. Гладкий и нежный на ощупь, словно фарфор, размером с полпальца, толщиной с чашечную стенку и слегка изогнутый.

Судя по всему, это был обломок яичной скорлупы юйминьского детёныша после вылупления.

Раз родители хранили этот осколок вместе с такой важной бумагой, как купчая, значит, вещь эта была исключительной важности.

Цзи Чаоань напряг память и смутно припомнил: когда матушка тяжело болела, она вроде бы наказывала ему беречь то, что лежит в деревянном ларце.

Однако как бы ни был умён девятилетний ребёнок, его жизненного опыта не хватало, и в конце концов он не смог удержать ничего.

Кроме купчихи и осколка, в ларце ничего не было. Цзи Чаоань захлопнул крышку, крепко сжал её в руке, и на мгновение его захлестнула радость, сродни чуду.

По крайней мере, сейчас дом оставался в его руках!

В прошлой жизни, спустя чуть больше месяца, некий торговец по фамилии Чжу из северной части города явился требовать долг, заявив, что при жизни отец Цзи Чаоаня, Цзи Лю, заложил купчую на книжную лавку в переулке Хуайшу под заем.

В этом долговом споре староста переулкa Хуайшу и рад был бы защитить Цзи Чаоаня, но торговец предъявил не только долговую расписку с отпечатком пальца Цзи Лю, но и подлинную купчую на лавку Юнчэн. Улик было предостаточно, и они не боялись никаких обращений в суд.

Единственный, кто мог помочь тогда, граф Чэнъи, по приказу властей находился в отлучке за пределами столицы. Оставшись без единой опоры, Цзи Чаоань лишился лавки, которую их предки передавали из поколения в поколение на протяжении двух веков, и её отняли силой. Впоследствии лавку открыли заново, но она уже принадлежала другим.

Самым подозрительным во всей этой истории было то, что долговую расписку подделать можно, но как настоящая купчая попала к тому торговцу? Кто именно её украл?

Позже, когда у Цзи Чаоаня появились собственные люди, он вернулся к расследованию этого дела, отчаянно желая вернуть семейное достояние.

Однако тот купец был убит горными разбойниками много лет назад, лавка давно уже не числилась за ним, а все причастные к делу лица либо погибли насильственной смертью, либо бесследно исчезли — не удалось даже выяснить, кто являлся нынешним хозяином лавки Юнчэн.

Вплоть до самого переворота Гао Яо, когда мятежные войска ворвались на Террасу Цзючжан, ему так и не довелось выявить истинного кукловода.

Цзи Чаоань спрятал ларец в рукав, воскурил благовония перед родительскими табличками, почтительно поклонился и тихо произнёс:

— Отец, матушка, ваш сын проявил сыновнюю непочтительность. Если бы я в своё время уделял больше часов культивации, если бы моё духовное ядро было чуточку больше, а силы — крепче, возможно, запретное заклинание нирваны Феникса смогло бы перенести меня ещё на несколько лет назад, и, глядишь, мне удалось бы спасти вас до того, как стряслась беда...

Он сам же и усмехнулся после этих слов: — Возможно, возможно... сколько же тут этих «возможностей» к лучшему... Быть может, та глупая крольчиха по соседству так и останется кроликом до конца своих дней, не сумев вырваться из заточения.

Сложным взглядом он снова поднял глаза на таблички, кашлянул и продолжил:

— Отец, матушка, та тварь, что ваш сын поселил по соседству — старший законнорожденный сын нынешнего господина Чиго по имени Гао Хуай. Правда, господин Чиго лютой ненависти предал его и пригласил могущественного мастера наложить двойное проклятие: изменения облика и печати. Из-за этого он сейчас младше своего брата Гао Яо и до сих пор остаётся недоросшим кроликом — раз у него есть разум, должно быть, его стоит считать кроличьим демоном? Ваш сын должен был привести его сюда, чтобы поклониться отцу и матушке, потому

что в прошлой жизни я и он...

Тут он запнулся, чувствуя, как трудно выговорить эти слова, помедлил и перефразировал: — Истинный облик Гао Хуая — древний свирепый зверь хоу, объятый пламенем, с непревзойденной силой в Поднебесной. Даже его родной отец, Золотокрылый Пэн, не мог тягаться с ним. Что из себя представляют драконы и цзяо Царства Чешуйчатых? Стоило им увидеть флаг с иероглифом «Хуай» войск армии Хуай, как они бросались наутек, страшась, как бы хоу, согласно слухам, не схватил их полакомиться драконьими мозгами. Годами выступая в походы, Гао Хуай заставил все четыре рода Четырех Духов покориться или бежать, а его пламенное войско сминало любые преграды. Всего за тринадцать лет он объединил Государство Юй, Царство Чешуйчатых, Государство Цзяо и Государство Ши, став императором-основателем Четырех Духов Империи, а ваш сын в ту пору был его... императрицей.

На этих словах уши Цзи Чаоаня покраснели. Опасаясь, как бы его не подслушал кролик из соседней комнаты, он сделал два шага вперед к алтарю со стоящими на стене табличками, приглушил голос до предела и, прикрывая рот рукой, забормотал:

— И... и к тому же, прежде чем стать его императрицей, ваш сын был... был... был его деверем.

Внезапно раздалось несколько глухих ударов дерева о дерево, напугавших Цзи Чаоаня до полусмерти. Решив, что это гnevаются духи родителей, он опустил голову и затараторил:

— Подобные безумства случились лишь по воле обстоятельств, по принуждению, и вовсе не по моей воле! К тому же, ничего из этого пока не произошло, а значит, и не считается. Ваш сын во что бы то ни стало не повторит прошлых ошибок! Я не хочу больше связываться с теми двумя, а желаю лишь заново открыть лавку и смыть позор с доброго имени отца...

Стуки продолжались. Цзи Чаоань пришел в себя, и чувство разочарования вновь захлестнуло его сердце.

Конечно же, он лишь выдавал желаемое за действительное: стучали вовсе не разгневанные духи родителей, кто-то снаружи колотил в парадную дверь.

<http://bllate.org/book/21199/2145906>